

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 735-741, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47) «1917/1920»

Food Policy of White Power in the European North of Russia in the 1918–1920 Years

Vasilii A. Sablin

Vologda State University, Russian Federation
Lenina street 15, Vologda 160035
Dr. (History), Associate Professor
E-mail: sablin@inbox.ru

Abstract

The article analyzes the main directions of the food policy of the white governments in Arkhangelsk – the Supreme Management and the Provisional government of the Northern area, which replaced it in 1918–1920. The food situation in the region after overthrow of the Bolshevik power in August, 1918 is designated. The emphasis is placed on the analysis of the efforts of the authorities on maintenance of food supply of the population of the northern village. The role of the former allies of Russia in questions of cooperation with the regional white power in questions of supply of the population with food, forms and methods of distribution of the food is shown. The problem of change of a food course of the white power after evacuation of interventionists from Arkhangelsk is studied. The procuring policy of the authorities in providing white army is analysed for the first time. Factors of impact of food policy on the peasant economy of the region are noted, social and economic consequences of this policy in region economy after the end of Civil war are designated.

Keywords: The civil war in the North of Russia, food crisis, the invaders, the Northern region, the Zemstvo, Anti-Bolshevik regime, the Union Committee of supply, farmers, food monopoly, food purchasing, food preparation, the decline of agriculture.

Введение

Интерес профессиональной исторической науки ко всем аспектам внутренней политики антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. обусловлен не просто теоретической, но, в первую очередь, практической потребностью изучения слагаемых победы большевиков в военном противостоянии, политических и социально-экономических последствий этой политики. Особую значимость приобретает изучение взаимоотношений белой власти в социальной, земельной, продовольственной сферах с самым большим по численности слоем населения России – крестьянским социумом.

Материалы и методы

Исследование продовольственной политики белых властей на Архангельском Севере России базируется на вовлечении в научный оборот комплекса архивных источников из двух российских центральных и двух региональных архивов (Архангельск, Сыктывкар), опубликованного законодательства Верховного Управления и Временного правительства Северной области. Работа опирается на достижения отечественной провинциологии и историографии Гражданской войны. Источниковедческий анализ базируется на элементах сравнительно-исторического, историко-ретроспективного и проблемно-хронологического методов. Их применение позволило изучить продовольственную политику белых властей в контексте ведущих проблем Гражданской войны и интервенции, оценить результаты аграрно-крестьянского курса белой власти в целом.

Обсуждение

Современный этап изучения белого движения отличается стремлением историков к обобщению предшествующих достижений историографии и постановкой ряда новых проблем [1].

Среди этих достижений следует выделить начало системного изучения аграрной политики и продовольственного дела правительств Деникина, Врангеля, Колчака [2]. Между тем, продовольственный курс белой власти в деревне Европейского Севера России, не смотря на очевидные достижения региональной историографии, до сих пор не получил должного освещения, без чего комплексный анализ внутренней политики белых режимов невозможен [3]. Данная статья преследует цель проанализировать основные направления продовольственной политики Верховного Управления и сменившего его Временного правительства Северной области в 1918–1920 гг.

Результаты

2 августа 1918 г. в Архангельске произошел антибольшевистский переворот, подготовленный «Союзом возрождения России» и поддержанный войсками стран Антанты. Белое правительство – Верховное Управление Северной области – было создано по инициативе бывших «учредителей» – членов ЦК партии эсеров (М.А. Лихача, С.С. Маслова, Я.Т. Дедусенко) и народного социалиста Н.В. Чайковского и по своей структуре, принципам управления во многом напоминало Самарский Комитет членов Учредительного Собрания (Комуч) [4]. Однако, являясь властью, поддержанной интервентами, Верховное Управление находилось в определенной зависимости от них. Эти два обстоятельства играли важную роль в решении всех вопросов внутренней политики правительства.

Составной частью аграрной политики архангельского Правительства являлся его продовольственный курс. Производимого крестьянскими хозяйствами хлеба было недостаточно для пропитания населения в течение года даже в основном зернопроизводящем уезде, каким являлся Шенкурский, не говоря уже об Александровском и Кемском уездах, в которых хлеб фактически не выращивался. Проблема снабжения региона продовольствием в прежние годы решалась главным образом путем рыночных поступлений хлеба и продуктов из центра страны и Сибири. За годы Первой мировой и Гражданской войн продовольственный вопрос на Севере резко обострился. Уже летом 1918 г. Архангельская губерния испытывала острый недостаток продовольствия. С августа 1918 г. губерния, отрезанная линией фронта от центральной России, оказалась в состоянии глубочайшего продовольственного кризиса.

После ликвидации советской власти в крае в течение августа – ноября 1918 г. правительство предприняло ряд мер по реорганизации продовольственного дела Северной области. В основу всей политики был положен отказ от продовольственной диктатуры, установленной большевиками.

В составе ВУСО был создан отдел продовольствия, промышленности и торговли, который возглавил Я.Т. Дедусенко. Продовольственный отдел был призван координировать вопросы снабжения, заготовок и распределения продуктов. В соответствии со своей декларацией от 2 августа о передаче продовольственных вопросов в ведение органов местного самоуправления 13 сентября 1918 г. правительство упразднило губернскую продовольственную управу и передало ее дела губернскому земству [5]. Земства были обязаны осуществлять свои задачи «при посредстве кооперативных организаций, сообразуясь с местными условиями и под своим контролем и ответственностью». На III чрезвычайной сессии Архангельского губернского земского собрания в сентябре 1918 г. в структуре губернской земской управы был оформлен продовольственный отдел.

28 августа была введена монополия правительства на ввоз и распределение в крае сахара по твердым ценам (80 руб. за пуд сахарного песка и 100 руб. за пуд рафинада – в Архангельске, в уездах – по цене, дополнительно включавшей издержки за провоз и 4 %-ную надбавку на орг. расходы) [6].

Монополия на другие продукты не предусматривалась. Поэтому 1 ноября 1918 г. правительство отменило все постановления земских и городских самоуправлений, «препятствующих свободному передвижению продовольственных товаров (прямо или косвенно) в пределах области» [7].

Прекрасно осознавая, что снабжение огромной территории края невозможно за счет сырьевых ресурсов Архангельской губернии, правительство попыталось наладить централизованные закупки продовольствия за рубежом. С этой целью 13 августа 1918 г. при отделе продовольствия, торговли и промышленности был учрежден Комитет внешней торговли Северной области. 21 сентября 1918 г. правительство утвердило устав Северного областного общества снабжения, главными задачами которого являлись заготовка и закупка «различного рода продуктов и товаров, необходимых населению Северной области, как для потребления, так и промышленных, производственных целей, а также для доставки сих продуктов и товаров в пределы Северной области и отпуска их населению» [8]. 3 октября 1918 г. Комитет внешней торговли был реорганизован в Главный комитет снабжения и внешней торговли Северной области [9]. Комитет возглавлял управляющий. Основную роль в его деятельности играло так называемое «межведомственное совещание», в которое входили представители административных и деловых кругов Северной области: генерал-губернатора, правительственных отделов иностранных дел и народного хозяйства, Северного водного округа путей сообщения, архангельской таможни, управления по делам внешней торговли, губернского земства, самоуправления г. Архангельска, Биржевого комитета, Торгово-промышленного союза, Торговых палат, Комитета частных банков, Московского народного банка, Объединения производительных кооперативов, Союза потребительских кооперативов, Союза архангельских лесопромышленников, «Лесосевера», Союза поморов-судовладельцев, Северного областного общества снабжения.

Столь широкий состав Северного общества снабжения и Главного комитета должен был обеспечить выработку общих планов снабжения Северной области. В «Положении» о Главном комитете снабжения подчеркивалось, что «все привозимые в Северную область из-за границы продукты и товары поступают на учет в Главный комитет снабжения и внешней торговли и могут поступать в распределение не иначе как в порядке, указанном комитетом». 25 августа 1919 г. Главный комитет был упразднен. Вместо него был создан специальный Совет при управляющем отделом финансов, торговли и промышленности [10].

Создание организаций, объединяющих правительственные и предпринимательские структуры, преследовало и вторую, не менее важную, цель – ослабить усиливавшуюся экономическую зависимость области от союзников и, более того, составить им конкуренцию. На практике ни того ни другого осуществить не удалось. В деле обеспечения продовольствием огромный регион оказался заложником сформированного интервентами Союзного комитета снабжения, который далеко не бескорыстно поставлял продукты населению [11]. С самого начала союзники заявляли о возможности и желательности товарообмена с краем. Так, выступая от имени дипломатов, присутствовавших на открытии III чрезвычайной сессии Архангельского губернского земского собрания 11 сентября 1918 г., американский посол Д. Френсис заявлял (из уважения к столь высокой персоне переводил сам «премьер» Верховного управления Н.В. Чайковский): «... Ваши излишки труда, как, например, лен, лес, семена сахарной свеклы и другие предметы, которые вы можете обменять на союзный хлеб, мы с охотой примем, и таким образом товарообмен может быть восстановлен. Союзники желают помочь и поощрить Россию. Но помните, что Бог помогает только тем, кто умеет помочь себе. Ура Учредительному собранию и земству!» [12].

Постепенно был установлен определенный порядок получения и распределения «союзного» продовольствия. На низовые земства ложилась обязанность доставлять в Союзный комитет сведения о численности населения. На их основе Союзный комитет утверждал потребное количество продовольствия и переправлял наряды на продукты в Архангельский губернский союз кооперативов (На 1 апреля 1919 года в области насчитывалось 537 потребительских обществ, из которых 411 были объединены в «Союз») [13] и Союз смолокуренных артелей Важской области. «Вся разработка нарядов» возлагалась на продовольственный отдел губернской земской управы [14]. Кооперативные организации получали продовольствие со складов Комитета и распределяли через свои лавки по установленным нормам. Некоторую часть продовольствия распределяло земство.

После ухода большевиков запас продовольствия в Архангельске составлял всего лишь 83896 пуд. Союзный комитет снабжения на первых порах пополнил его до 180000 пуд. Был разработан план отпуска хлеба в первую и вторую очереди. Всего предстояло найти и распределить 637563 пуд. В течение осени удалось доставить часть хлеба в дальние уезды Архангельской губернии. Так, Печорский уезд был обеспечен до 1 января 1919 г., Вожгорская, Койнасская, Лешуконская, Олемская, Ценогорская и Кельчемгорская волости Мезенского уезда – до 15 февраля 1919 г., Койденская волость того же уезда, а также Совпольская, Сулецкая, Тимошинская волости и Сурский монастырь Пинежского уезда – до 1 июля 1919 г., Несская волость Мезенского уезда и ненцы (самоеды) Канинской и Тиманской тундр – до 1 августа 1919 г. и т. д. [15].

Население получало продукты по специальным карточкам, которые выдавались в волостном правлении. Был установлен хлебный паек: для детей до 5 лет – 5 фунтов в месяц, для всех остальных – 10 фунтов, «для лиц, занимающихся тяжелым физическим трудом» – 20 фунтов. Кроме того, можно было получить 2 фунта риса или овсяной крупы, 1 фунт сахара и четверть фунта чая на едока в месяц. [16]. Продукты отпускались по ценам, утвержденным Союзным комитетом снабжения. Цена включала в себя стоимость продовольствия, плату за перевозку и 5%-ную надбавку «на организацию дела». Все расчеты велись только с Комитетом [17]. При таком подходе цены по разным уездам колебались довольно значительно. Так, цена 1 пуд. пшеничной муки с октября 1918 по август 1919 г. увеличилась в среднем с 24,4 до 47,1 руб. (по другим данным – до 50 руб. [18]), фунта риса – соответственно с 1,3 до 2 руб., чая – с 12,5 до 18,4 руб., сахара – с 2 до 4 руб. и т. п. [19].

Следует особо подчеркнуть, что хлеб отпускался только за наличный расчет, ссуды беднейшим хозяйствам допускались только «в случае крайней необходимости» и то при условии, если число таких хозяйств не превышало четверти всех хозяйств волости. При этом получение ссуды разрешалось «за круговой порукой всей волости». При неисправных выплатах денег дальнейший отпуск хлеба прекращался [20].

При выдаче пайков экономическая мощь хозяйств, как правило, не бралась в расчет, в результате чего норму хлеба получали и те двory, которые не особо нуждались в продовольствии. Тем самым создавались прекрасные возможности для спекуляции хлебом [21]. С другой стороны, отпускаемые даже 20 фунтов муки на едока, не соответствовали минимальным потребностям человека в питании, а между тем количество завозимого на места хлеба не всегда позволяло осуществлять его продажу по обозначенным нормам. Судя по источникам, нормы колебались от 8 фунтов в Шенкурском до 15–20 фунтов в Мезенском и Онежском уездах [22].

Списки населения, составляемые земствами грешили неточностью, что вынуждало еще больше занижать паек [23]. Следует учесть и то, что союзники продавали населению, основу питания

которого традиционно составлял ржаной хлеб, только белую муку, что было весьма непривычно и ускорило ее расходование [24].

Всего в 1919 г. через Архангельский Союз кооперативов было распределено 1170681 пуд нормированных продуктов (955646 пуд. муки, 118119 пуд. крупы, 73932 пуд. сахара, 8341 пуд чая) [25].

Высокие цены на хлеб и отсутствие возможностей пополнить денежный запас хозяйства за счет посторонних заработков привели к тому, что большинство беднейших крестьян Северной области не могло выкупить причитающийся паек. Еще 14 ноября 1918 г. Мезенская уездная земская управа направила в адрес правительства, губернской земской управы и правительственного комиссара Архангельской губернии отчаянное сообщение о том, что посланный на Мезень хлеб отпускался в среднем по 45–55 руб. за пуд. Чтобы хоть как-то найти средства и выкупить хлеб крестьяне забивали скот и продавали его. Управа умоляла правительство помочь населению, организовав в уезде заготовку дров на заводы фирм Русанова и Ружникова, или выдать субсидии на покупку хлеба, или же «войти в сношение с Архангельским Союзом кооперативов» и предложить ему «выдавать хлеб неимущему населению». В контексте всего выше сказанного, весьма примечательна виза, наложенная на текст сообщения помощником генерал-губернатора по военной части: «Правительственному губернскому комиссару. Все ясно, кроме того, что нужно сделать. Прошу осведомить меня, чем мы можем помочь. 7/ XII [1918]. Г[енерал] Марушевский» [26].

К весне 1919 г. ситуация с продовольствием осложнилась еще больше. 11 марта 1919 г. экстренное собрание уполномоченных Архангельского союза потребительских обществ направило в адрес правительства отношение, в котором отмечалось:

«1. В продовольственном отношении положение в губернии ужасно отчаянное; хлебного пайка 20 фунтов для рабочего населения недостаточно, и истощенный народ работать не в состоянии; запасы соломы для примеси к муке использованы; хлебные запасы, завезенные на места до июня месяца, в большинстве случаев использованы, и остатков хватает местами только до апреля.

2. От недоедания и примеси различных суррогатов к хлебу население становится не только не трудоспособным, но в сильной степени страдает различными болезнями, и местами развиваются повальные болезни.

3. Для обсеменения полей в наступающий сезон 1919 года во всей губернии нет ни зерна, даже нет картофеля и вообще каких-либо семян, чем бы можно было засеять поля.

4. Население губернии, потерпев полный неурожай, лишившись всех местных продуктов и в то же время почти целый год не имея никаких заработков, существовало исключительно на имевшиеся в запасе денежные средства, которые в настоящее время в большинстве случаев иссякли, и население открыто смотрит голодной смерти в глаза, ибо не представляется возможным выкупить и того скромного пайка.

5. В настоящее время местами крестьяне, продав скот и сено, для того чтобы получить себе на вырученные деньги хлеб и одежду, таким образом кадр безработных все увеличивается, а работы в настоящем и будущем никакой не предвидится, и, помимо голода, создается самое отчаянное положение, и народ не видит буквально никакого выхода из этого страшного положения, не видит и не знает, проявляет ли какую инициативу в этом правительство и его учреждения.

Собрание уполномоченных, не предпринимая вопроса, какие меры мог бы принять со своей стороны Союз потребительских обществ, находит необходимым избрать делегацию, через которую довести до сведения правительства Северной области о всех фактах ужаса, происходящих в губернии и осведомиться у Правительства: какие меры приняты в предотвращение надвинувшихся страшных ужасов и последствий...» [27].

Процитированный документ, если отрешиться от элементов политической конъюнктуры, которой характеризовалась обстановка в крае в тот момент, отражал в принципе реальное положение дел с централизованным снабжением населения. С другой стороны, внутренний хлебный рынок был крайне узок, что при отсутствии твердых цен на продовольствие вело к спекуляции хлебом и еще больше ухудшало положение. «Наша русская окраина, а ныне «самостоятельная» республика, покорная законам времени, – признавался один из корреспондентов журнала «Северная кооперация», – тоже испытывает все прелести свободной спекуляции... если хлеб по карточкам стоит 1 рубль 10 коп., то на рынке одна «шаньга» – 80 рублей... Мы проедаем остатки наших запасов. Проедаем все наше будущее, увеличиваем задолженность... Долги Северной области и дефициты лягут не только на северного жителя – они обременят всю Россию. Архангельская губерния живет за счет всего русского народа и безостановочно слабеет и слабеет» [28].

Принятые меры не могли привести к положительным результатам, так как с эвакуацией интервентов исчез основной источник поступления продовольствия. Оставшегося в уездах хлеба и других продуктов было столь мало, что 1 ноября 1919 г. губернская земская управа вынуждена была объявить о сокращении продуктового пайка с начала 1920 г. до 1 фунта в месяц крупы и сахара, на 25 % – муки для жителей Архангельска, приморских волостей и безземельного крестьянства, на 50 % – для Онежского, Пинежского и Холмогорского уездов [29].

В дополнение ко всему на плечи крестьянства области легла обязанность снабжать белую армию, оставшуюся без продовольствия и фуража. С осени 1919 г. в области началась усиленная заготовка мяса. По требованию интендантства предстояло поставить для армии 57 тыс. пуд. мяса, в

том числе 20 тыс. пуд. оленины. По земской раскладке от 15 октября 1919 г. на Архангельский уезд приходилось 6200 пуд. мяса, Холмогорский – 7995 пуд., Пинежский – 5460 пуд., Мезенский – 12816 пуд., Печорский – 4219 пуд. [30]

На состоявшемся 23 октября 1919 г. «Совещании по заготовке мяса для нужд армии» было принято решение поручить заготовку оленины в Мезенском и Печорском уездах двум кооперативным объединениям – Центросоюзу и Архангельскому Союзу кооперативов. Разрешалось вести операции на комиссионных началах (исходя из 4 %) по цене, не превышающей 250 руб. за пуд (в цену входили расходы на страхование и доставку мяса в Архангельск). Центросоюз обязался заготовить до 2 тыс. пуд., Архангельский Союз кооперативов – около 22 тыс. пуд. 20 ноября 1919 г. губернская земская управа заключила договор с Северным объединением кооперативных союзов на заготовку 20 тыс. пуд. оленины на Кольском полуострове в Александровском уезде. Помимо кооперативных организаций, заготовка мяса была разрешена непосредственно земствам и частным предпринимателям на условиях товарообмена [31].

По неполным сведениям было заготовлено более 44800 пуд. мяса (в Мезенском уезде – 12800 пуд., Печорском – 20000 пуд., Холмогорском – 10000 пуд., Архангельском – более 2000 пуд.) [32]. В Холмогорском уезде на убой шел молочный скот ценнейшей породы, что впоследствии сильно сказалось на общем состоянии и ремонте стада.

Товарообменные операции в тундре никто и никак не контролировал. Это способствовало прямому обману и грабежу аборигенного населения. Заготовители (частные скупщики и кооператоры) тушу оленя стоимостью в 500–600 руб. нередко обменивали за 0,5 фунта чая или за 20 фунтов муки. Заготовленное на Мезени и Печоре мясо весом 32 800 пуд. из-за общей неразберихи до весны 1920 г. не было вывезено и испортилось [33].

Параллельно с мясными поставками на крестьянство легла повинность в снабжении белой армии сеном. 6 декабря губернское земство довело до сведения уездов план его поставки. Из общего объема в 700 тыс. пуд. на Мезенский и Печорский уезды ложилась обязанность поставить интендантству по 50 тыс. пуд., Онежский и Кемский – по 75 тыс., Архангельский и Холмогорский – по 200 тыс. пуд. сена. [34].

30 октября 1919 г. было опубликовано постановление Временного правительства, дополненное губернской земской управой 20 ноября 1919 г. «О привлечении населения к гужевым перевозкам [35]. Согласно постановлению к повозной повинности привлекалось все крестьянское население губернии – мужчины в возрасте от 15 до 65 лет и трудоспособные женщины. Хозяйствам, по каким-либо причинам, не имевшим лошадей, разрешалось вместо повинности вносить определенную сумму денег, а выставлявшим подводы хозяевам разрешалось вместо себя нанимать «подводчиков». Закон, правда, оговаривал, что несостоятельные крестьяне и дворы, не имевшие работников, освобождались от повинности. На практике же, как правило, они вынуждены были наниматься «подводчиками». За уклонение от гужевой повинности предусматривалось наложение штрафа в размере 1000 руб., или заключение под стражу сроком на 1 месяц [36]. По свидетельству земцев, военные и гужевые повинности отнимали у крестьян до 75 % «своего времени»: «...благодаря подводной повинности население лишено возможности выполнять на лошадях обыденные работы, сено возят на санках» [37].

Собравшиеся 3 февраля 1920 г. на V сессию Архангельского губернского земского собрания депутаты, хотели они этого или нет, подвели итоги своего 19-месячного пребывания «у власти» в Северной области. «В кардинальном вопросе, стоящем перед губернией – в вопросе земельном – губернская земская управа получила ряд законоположений, не выполненных и по настоящее время», – признавался председатель управы П.П. Скоморохов. Дело продовольствия находилось в руках Союзного комитета. «Земство... было почти оттерто от этой важной отрасли». По его мнению, сельское хозяйство не удалось удержать даже на той высоте, на которой оно находилось в 1918 г. «Призрак упадка сельского хозяйства стоит перед нами воочию. Мы приближаемся к окончательному краху» [38].

Заключение

Своеобразие политической и экономической ситуации в регионе наложило свой отпечаток на характер продовольственной политики, проводившейся белой властью в союзе с земством. Сложилась система, сочетавшая в себе монополию на ряд продуктов и нормированное распределение (за плату) с частным и кооперативным рынком. Продовольственная зависимость региона от бывших союзников имела своим следствием резкое ухудшение ситуации после того как «союзники» покинули Архангельск. Необходимость кормить армию заставила правительство перейти к разверстке необходимых объемов мяса и его заготовке посредством товарообмена. Продовольственная ситуация последовательно ухудшалась, однако с возвращением большевиков, архангельское крестьянство оказалось в несравнимо худших условиях.

Примечания:

1. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000.

2. Саблин В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002.
3. Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере 1917–1920. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – (Серия «Historia Rossica»).
4. Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 128–131.
5. Собрание узаконений и распоряжений Верховного управления и Временного правительства Северной области, издаваемое Консультацией при управляющем отделом юстиции. № 1. Архангельск, 1919. Ст. 73.
6. Собрание узаконений и распоряжений... № 1. Ст. 52.
7. Там же. Ст. 179.
8. Устав Северного общества снабжения. Архангельск, 1918. С. 3.
9. Собрание узаконений и распоряжений... № 1. Ст. 23, 133.
10. Там же. № 1. Ст. 133; № 20. Ст. 547.
11. Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993. С. 103–109, 152–154.
12. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 8–8 об.
13. Товарищеское дело. 1919. № 11–12. С. 15.
14. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 600. Л. 28 об.
15. Там же. Л. 27 об.
16. Вестник Временного правительства Северной области. 1919. 4 января.
17. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 600. Л. 29.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.
19. Северная кооперация. 1919. № 2. С. 18–20.
20. Национальный архив Республики Коми. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
21. РГАСПИ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.
22. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 629. Л. 83–84 об.
23. Товарищеское дело. 1919. № 4–5. С. 27.
24. Протоколы 10-го Чрезвычайного собрания уполномоченных Архангельского Союза кооперативов. 10–20 марта 1919 г. Архангельск, 1919. С. 367.
25. 10 лет работы Архангельского губернского Союза кооперативов. 15/28 марта 1914 – 28 марта 1924 г. Архангельск, 1924. С. 41.
26. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5236. Оп. 1. Д. 53. Л. 132, 133, 139.
27. Протоколы 10-го Чрезвычайного собрания уполномоченных Архангельского Союза кооперативов... С. 367–368.
28. Соло В. Положение нашего хозяйства//Северная кооперация. 1919. № 1. С. 7–9.
29. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 600. Л. 246.
30. Там же. Д. 600. Л. 215 об.; Д. 1253. Л. 1.
31. Там же. Д. 600. Л. 215 об., Л. 320; Д. 619. Л. 39; Д. 1242. Л. 4; Д. 1253. Л. 1–2.
32. Там же. Д. 600. Л. 102; Д. 619. Л. 99, 101, 102; Д. 1253. Л. 1.
33. Там же. Д. 619. Л. 99; Д. 1253. Л. 1.
35. Там же. Д. 600. Л. 328–329; Д. 629. Л. 83.
36. Национальный архив Республики Коми. Ф. 863. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
37. ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 619. Л. 102 об.; Д. 629. Л. 83.
38. Там же. Д. 1242. Л. 4–5 об.

References:

1. Goldin V. I. Russian civil war. Essays on modern historiography (second half of 1980 – 90 years). Arkhangelsk, 2000. (In Russian)
2. Sablin V.A. The agrarian revolution in the European North of Russia. 1917–1921. (The social and economic results). Vologda, 2002. (In Russian)
3. Novikova L.G. Provincial "counter-revolution": the White movement and the Civil War in the Russian North 1917–1920. M.: New Literary Review, 2014. (Series «Historia Rossica»). (In Russian)
4. Garmiza V. V. The collapse of the Socialist-Revolutionary governments. M., 1970. P.128–131. (In Russian)
5. Collection of Laws and Orders of the High Management and the Provisional Government of the Northern Region, publish consultation in the Control Department of Justice. № 1. Arkhangelsk, 1919. Art. 73. (In Russian)
6. Collection of laws and Orders ... № 1. Art. 52. (In Russian)
7. Ibid. Art.179. (In Russian)
8. The Charter of the Northern Society of supply. Arkhangelsk, 1918. P. 3. (In Russian)
9. Collection of laws and Orders ... № 1. Art. 23, 133. (In Russian)
10. Ibid. № 1. Art. 133; № 20. Art. 547. (In Russian)

11. Goldin V. I. Intervention and anti-Bolshevik movement in the Russian North. 1918–1920. M., 1993. P. 103–109, 152–154. (In Russian)
12. State Archives of Arkhangelsk Region (GAAO). F. 1865. Op. 1. D. 152. L. 8–8 vol. (In Russian)
13. Comradely case. 1919. № 11–12. P. 15. (In Russian)
14. GAAO. F. 1865. Op. 1. D. 600. L. 28 vol. (In Russian)
15. Ibid. L. 27 vol. (In Russian)
16. Herald of the Provisional Government of the Northern Region. January 4, 1919. (In Russian)
17. GAAO. F. 1865. Op. 1. D. 600. L. 29. (In Russian)
18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 67. Op. 1. D. 26. L. 30. (In Russian)
19. North cooperation. 1919. № 2. pp. 18–20. (In Russian)
20. National Archives of the Republic of Komi. F. 1205. Op. 1. D. 3. L. 10. (In Russian)
21. RGASPI. F. 67. Op. 1. D. 26. L. 30. (In Russian)
22. GAAO. F. 1865. Op. 1. D. 629. L. 83–84 vol. (In Russian)
23. Comradely case. 1919. № 4–5. P. 27. (In Russian)
24. The protocols of the 10th Extraordinary Meeting authorized the Arkhangelsk Union of Cooperatives. 10–20 March 1919. Arkhangelsk, 1919. P. 367. (In Russian)
25. 10 years of operation of the Arkhangelsk Provincial Cooperative Union. 15/28 March 1914 – March 28, 1924. Arkhangelsk, 1924. P. 41. (In Russian)
26. State Archive of the Russian Federation. F. 5236. Op. 1. D. 53. L. 132, 133, 139. (In Russian)
27. The protocols of the 10th Extraordinary Meeting authorized the Arkhangelsk Union of Cooperatives ... P. 367–368. (In Russian)
28. Solo V. Status of our economy // North kooperatsiya. 1919. № 1. P. 7–9. (In Russian)
29. GAAO. F. 1865. Op. 1. D. 600. L. 246. (In Russian)
30. Ibid. D. 600. L. 215 ob.; D. 1253. L. 1. (In Russian)
31. Ibid. D. 600. L. 215 ob., L. 320; D. 619. L. 39; D. 1242. L. 4; D. 1253. L. 1–2. (In Russian)
32. Ibid. D. 600. L. 102; D. 619. L. 99, 101, 102; D. 1253. L. 1. (In Russian)
33. Ibid. D. 619. L. 99; D. 1253. L. 1. (In Russian)
35. Ibid. D. 600. L. 328–329; D. 629. L. 83. (In Russian)
36. National Archives of the Republic of Komi. F. 863. Op. 1. D. 1. L. 89. (In Russian)
37. GAAO. F. 1865. Op. 1. D. 619. L. 102 ob.; D. 629. L. 83. (In Russian)
38. Ibid. D. 1242. L. 4–5 ob. (In Russian)

УДК 94(47) «1917/1920»

**Продовольственная политика Белой власти на Европейском Севере
России в 1918–1920 гг.**

Василий Анатольевич Саблин

Вологодский государственный университет, Российская Федерация
160035 Вологда, ул. Ленина, д. 15
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: sablin@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются основные направления продовольственной политики политика белых правительств в Архангельске – Верховного Управления и сменившего его Временного правительства Северной области в 1918–1920 гг.

Обозначена продовольственная ситуация в регионе после свержения большевистской власти в августе 1918 г. Акцент сделан на анализе усилий властей по поддержанию продовольственного обеспечения населения северной деревни. Показана роль бывших союзников России в вопросах сотрудничества с региональной белой властью в вопросах снабжения населения продуктами питания, формах и методах распределения продовольствия. Изучена проблема смены продовольственного курса белой власти после эвакуации интервентов из Архангельска. Впервые проанализирована заготовительная политика властей в деле обеспечения Белой армии. Отмечены факторы воздействия продовольственной политики на крестьянское хозяйство региона, обозначены социально-экономические последствия этой политики в экономике региона после окончания Гражданской войны.

Ключевые слова: гражданская война на севере России, продовольственный кризис, интервенты, северная область, земство, антибольшевистский режим, союзный комитет снабжения, крестьянство, продовольственная монополия, продовольственные закупки, продовольственные заготовки, упадок сельского хозяйства.